

Ло Чэньюнь продержал Янь Цзысиня в черном списке два дня, прежде чем наконец соизволил его оттуда выпустить.

Не прошло и получаса после разблокировки, как зазвонил телефон — сработал персональный рингтон Янь Цзысиня.

На том конце провода послышался разъяренный голос:

— Ся Мэнцзин, ты что, страх потерял? Как ты посмел не отвечать на мои звонки?

Ло Чэньюнь слегка нахмурился, отодвинул телефон от уха и заодно взглянул на время — девять сорок пять. Подождав, пока Янь Цзысинь выплеснет накопившуюся желчь, он невозмутимо произнес:

— Я освобожусь в полдвенадцатого. Выбери какой-нибудь ресторан.

Янь Цзысинь фыркнул:

— Что такое? Решил пригласить меня на ужин, чтобы загладить вину? Поздно.

— Я не собирался тебя брать, — ответил Ло Чэньюнь.

— Ты все еще хочешь уединиться с Ши Чжао? Мечтай! Нет, ты обязан взять меня с собой.

— Какой от тебя толк? Ты хотя бы счет оплатить сможешь?

— Не то что счет, я могу выкупить весь ресторан целиком, если захочу!

Ло Чэньюнь усмехнулся:

— Хорошо, иди и выкупай.

— ...Ты что, издеваешься? — до Янь Цзысиня внезапно дошло.

— Сразу договоримся: раз уж ты так хочешь увязаться, не смей устраивать проблем. Понял? Иначе...

Янь Цзысинь презрительно бросил:

— Иначе что?

— Я выложу Ши Чжао всю правду о твоих делишках, в мельчайших подробностях.

— Ты... подлец!

— Есть немного.

Раздался грохот. Смартфон, купленный меньше двух недель назад, с силой врезался в стену и разлетелся на куски, оставив на гладкой поверхности глубокую вмятину.

Янь Цзысинь никогда в жизни не терпел подобного унижения. За один день он дважды получил побои, стерпел это, сам же пошел на попятную, пытаясь задобрить человека, а в ответ получил лишь насмешки.

Он с яростью раздавил ногой уже треснувший экран. Раздался сухой хруст, и дисплей окончательно раскололся надвое. Лицо Янь Цзысиня исказилось от злобы.

Ничего, подожди. Как только пересадка почки состоится, он обязательно уничтожит Ся Мэнцзина.

Ближе к одиннадцати часам Янь Цзысинь отправил сообщение: [Даю тебе десять минут, чтобы добраться до площади, я заеду за тобой.]

Ло Чэнъюнь согласился. Почему бы не воспользоваться услугами личного водителя, который сам лезет в руки?

Когда Ло Чэнъюнь прибыл на место, Янь Цзысинь уже ждал. Он пинал носком ботинка окурки, всем видом выражая нетерпение. Его вызывающе красный спорткар посреди площади притягивал взгляды прохожих.

Ло Чэнъюнь подошел к нему. Взгляд Янь Цзысиня был полон недовольства:

— Не мог идти медленнее?

— На дорогах пробки, — пожал плечами Ло Чэнъюнь.

Янь Цзысинь уже привык к его опозданиям. Сегодняшнее — еще цветочки. Под влиянием Ло Чэнъюня его терпение стало почти безграничным, поэтому он лишь скривился, но объяснение принял.

Янь Цзысинь затушил сигарету и бросил:

— Садись.

В салоне на зеркале висел амулет — старомодная безделушка. Когда Янь Цзысинь наклонился,

чтобы помочь ему пристегнуть ремень, ярко-красная кисточка коснулась щеки Ло Чэньюня. На фоне бледной кожи Янь Цзысиня алые нити выглядели как кровавые полосы, пугающе ярко.

С этого ракурса опустивший голову Янь Цзысинь казался почти послушным.

Интерьер машины был выдержан в стиле минимализма, и этот кричаще-красный амулет совершенно не вписывался в обстановку. Не нужно было быть гением, чтобы понять: вещь, которую Янь Цзысинь так бережет и вешает на самое видное место, могла принадлежать только его «белому свету».

Ся Мэнцзин когда-то подарил ему подушку для машины, на которой полмесяца вручную вышивал узор. Скорее всего, она до сих пор валяется где-то в багажнике.

Любая мелочь, полученная от «белого света», становилась для Янь Цзысиня драгоценностью, тогда как подарки Ся Мэнцзина, в которые тот вкладывал всю душу, даже не удостоивались взгляда.

Важна была не вещь, а человек.

— Предупреждаю: перед Ши Чжао ни слова лишнего, понял? — пригрозил Янь Цзысинь, не сводя глаз с дороги.

Ло Чэньюнь задумчиво покрутил пальцем кисточку амулета:

— Посмотрим на твое поведение.

— Что это значит?

Ло Чэньюнь сжал пальцы, натягивая красную нить:

— Тебя никто не учил? Когда просишь об одолжении, нужно платить соответствующую цену. Если сегодня я останусь доволен, то сделаю так, как ты просишь.

Янь Цзысинь поморщился:

— Ладно, ладно, понял. Эй, отпусти, не испорти мне вещь!

Ло Чэньюнь усмехнулся и бросил на него насмешливый взгляд.

Входя в лифт, Янь Цзысинь хотел было обнять Ло Чэньюня за талию, но, помявшись, так и не решился. Ло Чэньюнь заметил это движение в отражении зеркала и решил проявить доброту:

— Рука только зажила, снова хочешь сломать?

Янь Цзысинь тут же сунул руки в карманы и отвернулся, буркнув:

— Очень нужно.

Янь Цзысинь не стал выкупать весь ресторан, но арендовал весь второй этаж. У окна сидел человек, повернутый к ним спиной. Фигура была настолько хрупкой, что казалось, будто его талию можно переломить одним движением, а одежда висела на нем мешком.

— Ши Чжао! — при виде своего возлюбленного Янь Цзысинь превратился в радостного щенка, и улыбка не сходила с его лица. Если бы рядом не было Ло Чэнъюня, он бы наверняка к нему побежал.

Услышав свое имя, мужчина вздрогнул и обернулся. Утонченные черты лица, мягкий взгляд, болезненная бледность, впалые щеки и почти бесцветные, тонкие губы. Он сначала взглянул на Янь Цзысиня, а затем перевел взгляд на Ло Чэнъюня и слабо улыбнулся.

Ло Чэнъюнь замер. В голове словно лопнула струна.

Этот человек... он был точной копией Гу Хэна.

Если у каждого подонка-любовника есть свой «белый свет», то для Ло Чэнъюня это был Гу Хэн. Его первая любовь, восемь лет вместе. Жаль только, что три года назад Гу Хэн умер от рака. Ло Чэнъюнь в то время был за границей и не успел попрощаться.

И теперь Гу Хэн снова стоял перед ним.

Болезненный вид Ши Чжао заставил Ло Чэнъюня погрузиться в воспоминания. Был ли Гу Хэн в последние дни таким же?

— Мэнцзин? Ся Мэнцзин! Ты чего застыл? — голос Янь Цзысиня вырвал его из оцепенения. Ло Чэнъюнь смахнул руку, которая маячила у него перед глазами.

— Черт, — Янь Цзысинь, боясь расстроить Ши Чжао, подавил гнев и прошепел: — Ты чего завис? Ши Чжао с тобой разговаривает.

Ши Чжао улыбнулся, и в этой улыбке сквозила усталость:

— Ты ведь Ся Мэнцзин? Я слышал от Цзысиня, что ты хотел со мной встретиться?

Ло Чэнъюнь не смотрел на него:

— Да, это я.

Янь Цзысинь с обожанием уселся рядом с Ши Чжао, а Ло Чэнъюнь занял место напротив.

— И что же... кхм, кхм... привело тебя ко мне? — Ши Чжао закашлялся, явно чувствуя себя неважно.

После пары фраз Ло Чэнъюнь пришел в себя. Нет, это не Гу Хэн. Манеры, интонации, аура — всё не то. Гу Хэн никогда бы так не сказал. О чем он вообще думает? Гу Хэна давно нет.

Ло Чэнъюнь встретился с ним взглядом, уже не испытывая никаких эмоций:

— Ничего особенного. Просто хотел посмотреть, как выглядит тот, кому понадобилась моя почка.

— Даже если пересадка пройдет успешно, не знаю, сколько еще протянет мое тело. Если ты не хочешь — я пойму, — Ши Чжао улыбался, но в глазах застыла печаль.

Янь Цзысинь тут же вскинулся, схватив Ши Чжао за руку:

— Что ты такое говоришь! Он только рад помочь. Ради твоего спасения ничего не жалко.

Ло Чэнъюнь с улыбкой посмотрел на их сцепленные руки и поддакнул:

— Верно. Пока ты в безопасности, любые жертвы оправданы.

Лицо Янь Цзысиня изменилось. Он поспешно отдернул руку и, пока Ши Чжао не видел, злобно сверкнул глазами на Ло Чэнъюня, одними губами приказав: замолчи.

Ши Чжао посмотрел на Ло Чэнъюня с благодарностью:

— Спасибо тебе.

— Не стоит благодарности, — вежливо ответил Ло Чэнъюнь.

Все, что он сегодня отдает, Янь Цзысинь вернет с лихвой.

Возможно, потому что Ло Чэнъюнь вел себя послушно, настроение Янь Цзысиня улучшилось. Он протянул меню Ши Чжао:

— Хватит болтать, ты, наверное, проголодался? Давай, заказывай, сегодня я угощаю.

Ши Чжао взял меню и повернулся к Ло Чэнъюню:

— Что бы ты хотел?

Ло Чэньюнь не стал отказываться от любезности и, пролистав пару страниц, указал на несколько блюд.

Когда еду подали, Ло Чэньюнь пододвинул тарелку с морепродуктами к Янь Цзысиню и коротко бросил:

— Чисти.

Янь Цзысинь опешил:

— У самого рук нет?

— Будешь чистить? — переспросил Ло Чэньюнь.

Янь Цзысинь раздулся от злости, как лягушка, но, стиснув зубы, прошипел:

— Буду.

Ло Чэньюнь наказывал крабов — возни с ними много, а мяса мало. Он пододвинул свою пустую миску к Янь Цзысиню:

— Очистишь — положи сюда.

Ши Чжао невольно рассмеялся:

— Вы такие дружные.

Янь Цзысинь, яростно сражаясь с панцирем, проворчал себе под нос:

— Дружные, как же.

— Что? — переспросил Ши Чжао.

Ло Чэньюнь элегантно подцепил палочками кусочек крабового мяса из миски и с невозмутимым видом произнес:

— Ничего. Просто он такой заботливый, не хочет, чтобы я пачкал руки.

<http://bllate.org/book/21617/2229825>